

ному населению³. Именно в такой среде «довольно значительной была миграционная подвижность»⁴.

Высказанная гипотеза об особенностях культов в абхазо-абазинской традиции дает возможность объяснить отмеченную подвижность этногенетических и переселенческих процессов. Поскольку средоточием культа в этой традиции была (а зачастую и остается) семья, то она и предопределяет динамику культа, включая установление новых святынь и забрасывание старых. Такие факты в Абхазии мне приходилось наблюдать неоднократно: глава семьи может забросить культ одного святилища (*аныхи*) ради другого или отказаться от обрядов в ритуальной кузнице ради других обрядов. Примечательно, что кузница, характерная для абхазского семейного культа, у абазин была местом общинных собраний и молений — там проходили сборы старейших жителей села⁵.

Многие из современных абхазских семейных преданий о происхождении (генеагоний) местом обитания первоначально называют Псху (иногда Ахчипсху) в районе расселения воинственной в период Кавказской войны группы медовеевцев (очевидно, абхазо-садзско-убыхской по составу). Как правило, эти генеагонии указывают и на находящуюся там святыню (аныху), «доля» которой была перенесена отсюда на новое место. Псхуские генеагонии отражают скорее сакральную, чем реальную этническую ситуацию. Их выдвигание на первый план среди семейных преданий, несомненно, связано с тем, что горный район расселения медовеевцев долгие годы Кавказской войны был цитаделью сопротивления, павшей самой последней. Аналогичное явление, когда военно-сакральный центр страны перемещался ближе к району боевых действий, характерно и для всей истории Чечни (наблюдения И. М. Саидова и С.-М. А. Хасиева). Что касается абазин, то генеагоническая роль Псху характерна и для них (с. 12). В новых условиях на роль нового генеагонического центра у абазин стал претендовать аул Эльбурган. Аул Бибердов (Эльбурган), место просветительской деятельности У. Микерова и Т. Табулова, был во второй половине XIX — начале XX в. центром общественно-политической и исламско-религиозной жизни. Сейчас этот аул, в представлении многих абазин, считается местом, откуда происходят абазинцы. Примечательно, что основой той консолидирующей силы, которая проявилась в Эльбургане, была именно книжная культура и связанное с ней образование (с. 210—211). Приведенный факт еще раз подчеркивает, что знание, изложенное в сконцентрированном виде в Книге, может обладать консолидирующей для этноса функцией. Надо надеяться, что издание «Абазин» будет иметь для этого народа большое значение.

Я. В. Чеснов

Примечания

¹ К сожалению, лишь в 1950-е гг. их работы увидели свет. См.: *Генко А. Н.* Абазинский язык. М., 1955; *Лавров Л. И.* Абазинцы // Кавказский этнографический сборник. I. М., 1955.

² *Инал-Ипа Ш. Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 261.

³ *Анчабадзе Ю. Д.* Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. VIII. М., 1984.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ *Куцижва Л. З.* Из истории обработки металла у абазин (XIX в.) // Из истории Карачаево-Черкесии (серия историческая). Черкесск, 1974. Вып. VII. С. 247.

© 1991 г., СЭ, № 3

Г. Д. Джавадов. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. 306 с.

Проблемы исследования истории хозяйства несомненно относятся к числу важнейших задач этнологической науки. Однако со времени ее становления в XIX в. и в последующее столетие основное внимание исследователей привлекали главным образом вопросы возникновения религии, истории семьи, родовых отношений, терминологии родства и в значительно меньшей мере — хозяйства. Можно назвать лишь немногих крупных ученых, специально занимавшихся в прошлом изучением и теоретическим осмыслением хозяйственной деятельности первобытных народов и создателей первых цивилизаций: Эд. Хана, Г. Кунова, Г. Шурца. Начиная с 20-х годов XX в. история хозяйственной деятельности стала разрабатываться в трудах отечественных археологов, этнологов, биологов, в первую очередь Н. И. Вавилова, С. Н. Боголюбовского, а также А. Н. Максимова, выдающееся значение научного наследия которого до сих пор еще в полной мере не оценено. Эти и ряд других исследователей выдвинули интереснейшие гипотезы относительно причин и путей культивации растений и domestikации животных. Но ни в 1920-е годы, ни в последующие десятилетия (до конца 1950-х годов) изучению истории хозяйства народов СССР не уделялось должного внимания, хотя и происходило интенсивное накопление этнографических эмпирических данных. И только с начала 1960-х годов все большее число ученых стало обращаться к детальному исследованию конкретных и общетеоретических проблем истории хозяйства народов нашей страны начиная с глубокой древности.

Что касается Закавказья, то еще русские дореволюционные авторы оставили довольно значительные и весьма ценные письменные свидетельства о хозяйственной деятельности населения этого региона. Однако в советской научной литературе отдельные аспекты земледельческой техники стали получать отражение в немногочисленных публикациях лишь с середины 1950-х годов. И только начиная со следующего десятилетия количество исследований по хозяйству народов Кавказа стало довольно быстро возрастать. Значительное внимание было уделено проблемам земледелия и скотоводства. Истории последнего в Грузии посвящены труды В. М. Шамиладзе, в Армении — Ю. И. Мкртумяна, в Азербайджане — Г. А. Гавилова и ряда других. Что касается земледельческой тематики, то в Азербайджане в публикациях Т. А. Бунятова, Ш. А. Гулиева, Г. А. Гулиева¹ и других авторов рассматривались главным образом частные вопросы. За исключением неопубликованной рукописи диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Г. А. Гулиева², обобщающих исследований по данной проблеме создано не было.

В связи с этим особое значение приобретает выход в свет капитального труда Г. Д. Джавадова, исследовавшего народную земледельческую технику Азербайджана и тем самым внесшего крупный вклад в изучение традиционного хозяйства азербайджанцев. Попутно нельзя не отметить, что содержание рецензируемой книги значительно шире ее названия и наряду с основной проблемой в ней рассматриваются и многие другие проблемы народной культуры.

Помимо широкого охвата тематики внимание привлекает полнота привлеченных автором источников, как письменных, так и, что особенно важно, полевых этнографических, которые он собирал в течение двух десятилетий. Что касается библиографии, то она в целом полна, хотя можно отметить некоторые второстепенные пробы. Так, например, обойдены вниманием интересные, хотя и во многом спорные работы Д. Исмаилзаде, не учтены в качестве сравнительного материала некоторые публикации, посвященные соседним народам.

Г. Д. Джавадов в своем труде исследует несколько крупных блоков проблем, сведенных в семь глав. Это условия развития народной земледельческой техники в Азербайджане; системы земледелия; пахотные орудия и ареал их распространения; орудия боронования почвы; орудия уборки и молоты зерновых культур; социально-экономические институты, связанные с техникой земледелия; народный земледельческий календарь и характер метеорологических наблюдений.

Автор четко определяет задачи своего исследования, подчеркивая важнейшую роль изучения как социально-экономических, так и природно-географических факторов. К числу крупных проблем, обсуждаемых и в значительной мере решаемых в книге, относится исследование земледельческих систем, сложившихся на основе традиций высокоразвитой земледельческой культуры. Г. Д. Джавадов ставит задачи выяснения связей системы земледельческой культуры с хозяйственным бытом крестьянства, эволюции и развития народной земледельческой техники. Кроме того, автор задает целью создания научной классификации орудий пахоты и боронования почвы, определения ареалов распространения их типов в историко-этнографических зонах Азербайджана, описания способов и орудий уборки и молоты зерновых культур, выявления этнографической и этнической специфики и территориальных особенностей отдельных элементов традиционной земледельческой культуры азербайджанцев. И все эти проблемы автору удается по большей части удачно решить, так же как и осуществить анализ некоторых социально-экономических институтов, связанных с сельскохозяйственным производством.

Следует обратить внимание на систематичность исследования Г. Д. Джавадова, стремление вести его в широком историческом плане, сопоставляя свои материалы с данными по другим народам. В результате автору удалось во многом по-новому подойти к исследуемому problemam. По ряду вопросов он вступает в спор с положениями и выводами, высказанными его предшественниками, и, как думается, в большинстве случаев его мнения оказываются справедливыми. Polemicность книги нельзя не оценить как большое ее достоинство.

Восполняя существующий в науке существенный пробел, Г. Д. Джавадов не просто описывает и констатирует состояние традиционной земледельческой техники, а проводит в полном смысле слова историческое исследование, рассматривая каждое явление в его динамике и при возможности выявляя его генезис и позднейшее развитие.

Исследуемые в труде Г. Д. Джавадова проблемы настолько обширны и многообразны, что рассмотреть их детально в краткой рецензии невозможно. Поэтому остановлюсь только на наиболее, на мой взгляд, существенных вопросах.

Всецело хочется поддержать мнение Г. Д. Джавадова относительно большой важности экологических факторов, преодолевая, таким образом, десятилетия длившийся в нашей литературе нигилизм по отношению к значению природно-географической среды. И действительно, особенно на предшествующих этапах исторического развития именно природный, а не абстрактный социально-экономический фактор в сочетании с другими явлениями был определяющим при выработке форм орудий труда, их применении, сложении всего комплекса сельскохозяйственного производства. Особенно наглядным примером может служить современная Япония с ее ручным земледелием при высочайшем уровне развития техники и технологий.

Рассматривая влияние почв, климата, всей совокупности природно-географических условий на характер орудий труда, сельскохозяйственную технику, автор показывает локальные особенности сельскохозяйственного комплекса в разных природных условиях. Это позволяет ему достаточно убедительно наметить экономико-географическое районирование Азербайджана, по поводу чего автор вступает в полемику с некоторыми исследователями. Г. Д. Джавадов подвергает, на мой взгляд, справедливой критике взгляды А. Г. Трофимовой и Г. А. Гулиева³, но при этом отмечает, что предлагаемая им схема районирования еще нуждается в дальнейшем обсуждении и уточнении.

К сожалению, автор не всегда последователен в своих выводах. В связи с этим в одном

вопросе позволил себе не согласиться с Г. Д. Джавадовым, а именно с его мнением, согласно которому этнос играл важную роль в характере развития земледельческих культур и орудий труда (с. 19). Полемизируя в свое время с некоторыми теоретическими положениями Ю. В. Бромлея⁴, неоднократно приходилось отмечать, что хозяйство, как и ряд других, особенно базисных, элементов культуры не связано непосредственно с тем или иным этносом, а зависит прежде всего от других факторов — природно-географических, уровня развития производительных сил, местных традиций, внешних влияний. Этнос же придает, в лучшем случае, лишь некоторую окраску культурным явлениям такого рода. Кстати, и цитируемые в книге Г. Д. Джавадова на с. 13 слова Н. И. Вавилова относятся не к этносу, а к уровню развития культуры.

К сожалению, не избегал автор и некоторых идеологических штампов прошлых лет. В связи с этим хочется решительно возразить его критическим замечаниям о «буржуазных ненаучных» теориях, «идеалистических теориях об эволюции и развитии орудий труда» и т. п. (с. 19, 20 и др.). Неудачно утверждение о том, что «идеалистические теории об эволюции и развитии орудий труда, выдвинутые и разрабатываемые на современном этапе буржуазными историками и этнографами, глубоко чужды марксистско-ленинской идеологии» (с. 20). Обвинения «буржуазных» ученых в географическом детерминизме, бывшие в прошлые десятилетия общим местом в нашей литературе, в значительной мере основаны либо на неверном понимании мыслей иностранных авторов, либо на искаженном переводе. Вызывает возмущение и следующее утверждение. На с. 20 автор пишет, что «ненаучные идеи и представления о развитии орудий производства в отрыве от общественно-экономических причин ... не могут быть приняты советской этнографической школой». Не говоря уже о сомнительности наличия такого рода «школы», не следует забывать, что еще К. Маркс отмечал важнейшее значение природно-географических условий в формировании хозяйства и культуры. Да и сам Г. Д. Джавадов в противовес такого рода общим утверждениям весьма убедительно показывает соотношение земледельческой техники и всего сельскохозяйственного производства с природными условиями. Впрочем, отмеченные выше замечания не имеют принципиального значения при высокой оценке работы и свидетельствуют лишь о том, что нам еще долго предстоит избавляться от давно ставшего привычным догматизма.

Одна из интереснейших глав книги посвящена исследованию систем земледелия. Использование богатого этнографического и фольклорного материала не только оживляет работу, но и служит первоклассным источником по изучаемым вопросам, а также позволяет более глубоко почувствовать характер и облик народной культуры. Удачно показана историческая динамика систем земледелия, его видов, внедрение, начиная со второй половины XIX в., технических культур, в частности хлопка. Пожалуй, автору следовало бы только более определенно указать, что далеко не все области Азербайджана были земледельческими, во многих, особенно горных, местностях преобладало скотоводство. Впрочем, совершенно справедливо отмечается, что оно не было кочевым и скотоводы занимались и земледелием (с. 28). Не совсем удачна, пожалуй, ссылка автора книги на с. 33 на взгляды ученого середины XIX в. А. В. Советова, полагавшего, что «земледельческие системы определяются также конкретными условиями и социальной системой эпохи». Что касается «конкретных условий», то это совершенно справедливо. Но проводить прямую связь с «социальной системой» едва ли правомерно. Самый простой пример — эпоха феодализма, когда существовали самые различные системы земледелия в Западной Европе и, скажем, в Средней Азии.

Всего хочется одобрить стремление Г. Д. Джавадова использовать для обозначения тех или иных явлений местные, азербайджанские термины, что дает возможность более точно установить их содержание в отличие от обычно употребляемых русских, имеющих зачастую излишне общее содержание и обозначающих различные явления.

В целом же автор дает очень глубокое и обоснованное описание и определение систем земледелия, детально их анализирует, что позволяет ему прийти к ряду весьма достоверных выводов.

Для специалиста, несомненно, весьма интересны будут главы книги, посвященные скрупулезному описанию и анализу земледельческих орудий, исследованию ареала их распространения, чему способствуют многочисленные иллюстрации, объединенные в таблицы. К несомненным удачам Г. Д. Джавадова следует отнести разработку классификации орудий, выводы об их генезисе и эволюции. Эти проблемы вызывают во всем мире широкий интерес специалистов и составляют постоянный предмет обсуждений и дискуссий. Поэтому данные по сельскохозяйственным орудиям Азербайджана будут очень ценными при дальнейших обобщающих исследованиях не только в нашей стране, но и за рубежом. Рассматривая различные сельскохозяйственные орудия и их элементы, автор во многих случаях вступает в дискуссию с другими учеными, причем доводы Г. Д. Джавадова представляются вполне убедительными (см. с. 12, 48 и др.).

Несомненно, важнейший раздел книги — шестая глава, где содержится анализ «социально-экономических институтов, связанных с техникой земледелия». Правда, название главы не совсем удачно и не полностью соответствует ее содержанию, посвященному главным образом исследованию такого важного общественного института, как взаимопомощь. Хотя по ходу дела автор вкратце останавливается и на некоторых других элементах социальной структуры, однако полностью и систематически проблему социально-экономических институтов он не раскрывает, что, впрочем, и не входило в его задачу. Г. Д. Джавадов практически исчерпывающе излагает данные об институтах взаимопомощи, прослеживает их генезис. Показывается, как древний традиционный институт взаимопомощи стал в новое и новейшее время трансформироваться в своеобразные формы экономической и социальной эксплуатации, сохраняя, однако, в некоторых случаях характер бескорыстной взаимопомощи. Кстати, этот процесс был в свое время детально исследован на тувинском материале С. И. Вайнштейном, на туркменском — Г. Е. Марковым, а также А. О. Оразовым и Ч. Я. Языевым. Чрезвычайно интересны данные, детально рассматриваемые Г. Д. Джавадовым,

о формах трудовой кооперации *эврез*, *имеджилик* и др. Кроме того, освещены такие кардинальные проблемы, как развитие арендных отношений, процессы распространения долговой кабалы. Некоторое сомнение может только вызвать попытка связать институт *ортанлыг* с патронимией вследствие высказанных в последнее время и, на наш взгляд, обоснованных сомнений ряда исследователей в реальности существования института патронимии.

Богатейший этнографический материал содержит последняя глава, посвященная народному календарю и метеорологическим наблюдениям.

В заключение следует остановиться еще на одной важнейшей проблеме, исследование которой привело автора рецензируемого труда к важному выводу. Г. Д. Джавадову удалось самым убедительным образом опровергнуть встречающееся в этнографической литературе мнение об отсталости традиционной земледельческой техники у азербайджанцев, а также о неизменности на протяжении столетий используемых в сельскохозяйственном производстве орудий труда (см. выводы на с. 218) и показать богатые культурные традиции азербайджанского народа.

Говоря о значении фундаментального труда Г. Д. Джавадова, следует подчеркнуть, что наряду с большим историко-этнографическим значением, наличием глубоко обоснованных исторических выводов он имеет несомненное практическое значение, так как многие отброшенные и забытые за последние десятилетия традиции и навыки, народные знания в области техники и организации кооперированного труда могут быть при их правильной оценке применены в современной хозяйственной деятельности.

Книга Г. Д. Джавадова может быть рекомендована читателям как глубокое научное исследование, знакомящее нас с мало известными проблемами, обогащающее наши знания по этнографии Азербайджана и имеющее также несомненно общетеоретическое значение.

К. П. Калиновская, Г. Е. Марков

Примечания

¹ Бунятов Т. А. К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964 (на азерб. яз.); Гулиев Ш. А. Рисоводство в Азербайджане. Баку, 1977 (на азерб. яз.); Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Археолого-этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1965.

² Гулиев Г. А. Земледельческая культура в Азербайджане (историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1968.

³ См.: Трофимова А. Г. К вопросу об этнографических зонах Азербайджанской ССР // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Т. 32. М., 1959; Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Археолого-этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1965.

⁴ См., например: Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни // Расы и народы. 1977. № 7; Марков Г. Е., Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии // Сов. этнография. 1984. № 4.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

© 1991 г., СЭ, № 3

Närodopisná literatura na Slovensku za roky 1901—1959/Zostavili P. Stano a R Žatko. Martin, 1989. 795 s.

В 1946 г. в Братиславе был создан Этнографический институт Словацкой Академии наук. Одна из важнейших задач, которую институт поставил перед собой — создание библиографических указателей по фольклору и этнографии. С самого начала работа шла по двум направлениям: 1) регистрация текущей литературы и 2) построение ретроспективной библиографии. Результатом работы над современной словацкой литературой по народной культуре стали четыре отдельных тома¹, последний из которых вышел в 1986 г. и охватил материал за 1981—1985 гг.² Как видим, Этнографический институт Словацкой Академии наук сумел наладить действительно оперативный выпуск библиографических пособий, столь нужных для нормального развития любой из наук.

Рецензируемая книга «Этнографическая литература в Словакии 1901—1959 гг.» представляет собой первый ретроспективный том словацкой библиографии по проблемам народной культуры.